

КАТЕГОРИЯ «ВРЕМЯ» И «ВРЕМЕННАЯ ПЕРСПЕКТИВА» В МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОМ И ПСИХОЛОГИЧЕСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Современные теории и подходы к феномену «личность» немислимы без такой структурной составляющей, как временная компонента. В некоторых теориях личности временная компонента выступает как узловая детерминанта в исследовательской практике психологов. Так, Б. В. Зейгарник [8] приводит в качестве примера такие теории личности, которые основываются на прошлом (психоанализ), настоящем (теория К. Левина) и будущем времени (теория А. Маслоу, К. Левина и отчасти теория Олпорта). В рамках теоретического анализа феномена временной перспективы продуктивность исследовательской деятельности, в значительной мере, определяется и тем, насколько обосновано, корректно и четко сформулирован сам вопрос относительно природы и сущности исследуемого феномена. Такое формулирование проблемы природы и сущности не только временной перспективы в рамках психологии, но и самого феномена времени изначально попадает в разряд многоплановых и многоуровневых проблем. Ответы на них находятся в пространстве как гуманитарных, так и естественных наук.

В античной философии проблема феномена времени решалась Аристотелем через понятие «теперь», которое, по его мнению, выступало связующим звеном между прошлым и будущим. «Если времени не будет, не будет и «теперь», и если «теперь» не будет, то не будет и времени» [4, 96]. Но кроме этого, наука обязана Аристотелю еще и тем, что им впервые была обозначена проблема «прерывности-непрерывности» времени, однозначного решения которой не найдена еще и сегодня. По этому поводу Аристотель писал: «... так как часть измеряет целое, и из частей оно должно слагаться, время же, по всей видимости, не слагается из «теперь»... Ведь следует допустить невозможность следования «теперь» друг за другом, как точки за точкой» [4, 92].

Несколько иной динамический подход к пониманию времени предложил гиппонейский епископ Августин в своей одиннадцатой книге «Исповедей». Отправной точкой в теории времени Августина выступает феномен продолжительности и прерывности (дискретности) времени, где единицы измерения каждого из времён, по его мнению, должны быть разными. Как ни парадоксально, но в этой динамической теории времени начинает просматриваться и сам человек – как активный субъект интеграции, градации, дифференциации времени не только на прошлое, настоящее и будущее, но и «здесь» и «теперь» временных промежутков. Именно последний вариант деления времени «здесь» и «теперь» жизнедеятельности человека не давали Августину покоя. Муки и сомнения, с которыми он познавал длительность, (продолжительность) настоящего времени, привели его к своеобразным выводам: «Теперь ясно для меня, что как будущего, так и прошедшего в действительности не существует. Не точно выражаются о трёх временах,

когда говорят: прошедшее, настоящее, будущее. Нужно бы, кажется, выражаться так: настоящее прошедшего, настоящее будущего. Только в ДУШЕ нашей есть соответствующие трём временам три формы восприятия, но не вне её, т. е. не в самой действительности. Для настоящего прошедших предметов есть у нас память или воспоминание. Для настоящего настоящих предметов есть у нас взгляд, воззрение, созерцание. Для настоящего будущих предметов есть у нас чаяние, упование, надежда» [2, 324].

Поистине эти мысли и сомнения великого психолога и в проблематике современной психологии не потеряли своей остроты и актуальности. По мнению Августина, время существует только тогда, когда существует человек как деятельностное начало. А в качестве критерия продолжительности времени, по Августину, выступают те впечатления, которые образовались в процессе деятельности с окружающими объектами, предметами, социумом. Одним словом время определяется особенностями человеческой деятельности в системе пространств: объектного пространства, предметного пространства и социального пространства.

Оценивая вклад динамической теории времени Августина в постановку проблематики «время» на современном этапе А. М. Анисимов [3] отмечает следующее: «Предложенная Августином динамическая теория времени привлекла к себе внимание представителей различных наук, которые в результате пристального и дотошного анализа столь смелого представления о времени Августином пришли к следующим обобщающим выводам: прошлое в действительности уже нет, будущего в действительности еще нет (т. е. прошлое и будущее не существуют в объективной реальности); реально вне нас существует одно только настоящее; настоящее мимолётно, «постоянно стремимся к небытию» (говоря словами Аристотеля, «едва существует»); всё, что существует, существует только в настоящем; настоящее не имеет продолжительности; прошлое и будущее существует, но не в реальности, а в душе; душа имеет три формы восприятия, причём действие любой из трёх форм осуществляется в настоящем; измерение времени – род субъективной деятельности, поскольку измеряются не предметы, а впечатления» [3].

Для Августина обозначились две самостоятельные проблемы – проблема течения времени и проблема существования вещей во времени, которые и были объединены в одну, что и привело его от физической реальности времени к психологической реальности времени. Одним словом, начав решать проблему времени в физическом ключе с философских позиций, Августин в конце своих умозаключений оказался на территории психологии.

В отличие от Аристотеля и Августина А. Эйнштейн в своей пространственно-временной теории времени сконцентрировался на отдельном свойстве времени, имеющем связь с отдельными свойствами пространства. Данный подход позволил последователям великого ученого в других областях науки (философии, психологии, астрономии и др.) гипотетически предположить существование других свойств бытийной реальности (и не только физической, но и духовной), с которыми те или иные свойства времени должны были вступать во взаимосвязь. Справедливости ради необходимо отметить тот факт, что уже в рамках самой физики «время» из ее физической природы в понимании И. Ньютона стало трактоваться в теории Г. В. Лейбница как относительная субстанция.

Время и пространство, по мнению философа, есть не что иное, как выражение определенных отношений вещей и явлений между собой. Через сто лет по-

следователь И. Ньютона П. С. Лаплас, базируясь на представления И. Ньютона о строении Вселенной как субстанциональной, динамической модели времени, предположил, что прошлое и настоящее детерминируют будущее и даже предполагают выведение определенных знаний из этих временных субстанций. Такой подход совершенно исключил феномен случайности, выдвинув на приоритетные позиции жесткую детерминацию, жесткую предопределенность в природе, космосе и Вселенной.

В своих логических умозаключениях П. С. Лаплас приходит к мысли о том, что и будущее человека однозначно предопределено его прошлым и настоящим по той причине, что сам человек есть такой же элемент физического мира, как и объекты, и предметы этого же мира. Легко заметить, что модели «времени», предложенные П. С. Лапласом в физике послужили определенным фундаментом для формулирования методологических принципов в философии и психологии (принцип детерминизма). В культурно-исторической теории развития личности Л. С. Выготского психическая и психологическая феноменология человека выводится из существующих в данном обществе культурологических факторов, сформировавшихся в процессе исторического развития данного общества.

В философии, очень близкую к психологии позицию в понимании природы и сущности времени сформулировал А. Бергсон, который вслед за представлениями И. Канта о времени как априорной формы внутреннего созерцания, даёт своё понимание времени. Так, философ подчеркивает, что время уже само содержание внутреннего чувства, созерцание «Я». Оно не априорная форма, а непосредственный факт сознания человека, который образуется в результате приобретения его внутреннего опыта. [6]. Сугубо психологический крен в философских рассуждениях о времени у А. Бергсона объяснялся несогласованностью статистических и физических концепций времени в математике, физике, механике с реалиями повседневной жизни человека, где четко прослеживался факт неоднозначного восприятия длительности времени в различные периоды жизни человека (например, в начале и в конце жизни; в моменты нетерпения и спешки; в минуты отдыха и благополучия время воспринимается по-разному).

Анализируя духовную жизнь человека, А. Бергсон пришёл к мысли о том, что определяющими моментами в ней выступают непосредственные (ситуативно возникающие) события, факты, которые не подвластны никаким законам.

«А раз нет законов, – пишет А. Бергсон, – то мы не можем предполагать и результатов своих действий, а значит, не можем предвидеть и своего будущего». [6, 22]. Выходит, что будущее время не имеет никакой связи с прошлым и настоящим. В связи с этим А. Бергсон высказывает смелую мысль (которую трудно вписать в представления о времени в обыденном сознании конкретного субъекта), что «возможное» – как неотъемлемая часть будущего вообще не существует: это всего лишь ретроспективное представление, созданное уже «задним числом», после того, как событие уже произошло.

«Возможное» есть ни что иное, как мираж настоящего в прошлом. Здесь проблема времени выходила за рамки элементарного восприятия времени, открывая горизонты нового подхода к исследованию истинной природы и сущности времени. Приоритетным становится положение об активном выстраивании самим человеком времени своей жизнедеятельности. Возникла необходимость в дифференциации

таких функций, как восприятие времени в субъективных пространствах собственного сознания и действие в выстраиваемом самим человеком времени.

У А. Бергсона время соотносится уже не с самим человеком, его физическим и физиологическим существованием в окружающем физическом мире, а с таким внутриспсихологическим образованием как сознание. При таком подходе к природе и сущности времени решение проблемы выделения молярной единицы времени становилось невозможным, поскольку длительность времени здесь предполагает постоянное взаимопроникновение прошлого и настоящего, взаимодействие различных состояний сознания, наличие элементов творчества в планировании жизненных сценариев и стратегий личности.

Ткань психической жизни, – по мнению А. Бергсона, – определяется «длительностью времени сознания» человека, которое, будучи непрерывным, тянется как неделимая, от начала и до конца нашего сознательного существования» [6, 17]. Не удивительно, что после работ А. Бергсона в различных науках еще больше усилились разногласия между сторонниками понимания времени как физическо-го описания реальности (как одной из координат некоторой движущейся точки) и пониманием времени как определённого рода величины и меры человеческой жизни. Концепция времени А. Бергсона оказала огромное влияние на процесс исследования ряда психологических феноменов: сознание (бессознательное, подсознание), интуиция, восприятие, память, мораль, религия, эволюция и др.

Увеличению интереса к проблеме времени в начале XX века послужили работы Дж. Э. Мак-Таггерта [16], в которых был сформулирован известный парадокс об иллюзорности времени – «парадокс Мак-Таггерта». Суть этого противоречия сводилась к следующему: рассуждая о времени, мы либо говорим, что одни события произошли раньше или позже других; либо указываем, что некоторое событие произошло в прошлом, произойдет в будущем и происходит в настоящий момент.

В первом случае, по терминологии Мак-Таггерта, временной порядок между событиями задается посредством «В-ряда», во втором случае мы имеем дело с временным порядком «А-ряда», где «А-ряд» – является фундаментальным, т. е. без него не может существовать «В-ряд» [16. 137]. Только при помощи «А-ряда» можно понять сущность времени, разработать способы его измерения. «А-ряд» – ряд, где существование события берется само по себе, т. е. без привязки к каким-либо событиям вообще и несёт в себе уже некоторую некорректность, которую почему-то упускает Мак-Таггерт. Так, чтобы обозначить какое-то событие как прошлое событие (или настоящее, или будущее) необходим как минимум какой-то деятельный (активный) субъект, который бы разместил это событие на оси времени (на оси прошлое, настоящее, будущее). В связи с этим время уже не может представлять собой самостоятельную физическую субстанцию, обладающую прошлым, настоящим и будущим. Одним словом, изначально должна быть создана, задана (или существовать объективно, а это уже либо абсурд, либо предположение о наличии какого-то разума во Вселенной) последовательность временных интервалов и уже затем размещать (вкладывать, как в лунку) в них события. Исходя из этой логики противоречие Мак-Таггерта либо вообще исчезает (оно просто является надуманным, не имеющим места в реальности), либо в лучшем случае оно переворачивается на 180 градусов. Времени как такого нет, – по глубокому убеждению

Мак-Таггерта, т. е. оно иллюзия, однако бесспорным является тот факт, что каждое событие имеет все эти времена последовательно.

Путем убедительных рассуждений Мак-Таггерт приходит к необходимости более детального анализа такого феномена как «событие», а от него – и к более четкой и корректной формулировке проблемы выделения молярной единицы события в качестве структурной единицы окружающей реальности. И как ни странно, уже в самом слове, в его этимологии и находится ключик к разгадке. Этимология слова «событие» расшифровывается как «бытие», и не просто бытие, взятое само по себе, а совместное бытие, т. е. совместное взаимодействие с окружающим бытием. Но кто осуществляет это взаимодействие с этим (или в этом) бытием? И так само слово «Событие» включает в себя как основополагающий момент человека, получая тем самым своего рода одухотворенность этого понятия, его очеловечивание. Однако, в этой связи не совсем понятен такой момент: физики, оперируя понятием «событие», «вынесли» из него человека за скобки, оставив голую абстракцию, которая, как ни странно, имплицитно несла в себе вопрос об истоках активности физических элементов, объектов. Самое печальное во всем сказанном то, что философы в качестве базисного фундамента в исследовании природы и сущности времени остановились на подходах в физике. В темноте космических пространств они, по своей темноте, наступили на те же грабли, что и физики.

В настоящее время проблема времени переживает свое второе рождение. Так, на международной конференции «Междисциплинарные перспективы времени» в 1966 году в Нью-Йоркской академии было образовано «Международное общество по изучению времени» под руководством Джулиуса Томаса Фрейзера. Итоги постоянно проводимых конференций нашли свое отражение в серии фундаментальных коллективных монографиях: «О времени, страсти и познании» (1975), «Время как конфликт» (1978), «Генезис и эволюция времени» (1982) и др. По сути дела в рамках этого научного общества решается одна глобальная проблема времени – проблема эволюционной сущности времени, которая определяется уровнем организации и форм движения материи.

Для Дж. Фрейзера время представляет собой самостоятельную субстанцию, которая, как и другие материальные субстанции имеет свои качественные особенности. Так, возникнув после Большого взрыва во Вселенной, время стало развиваться. По мнению Фрейзера, на эволюционный характер времени указывают как физические, так и другие естественные науки. Подробный анализ этого тезиса проведен Фрейзером в его последней работе «Генезис и эволюция времени» [15]. Предложенный им принцип темпоральных (временных) уровней развития времени заключается в следующем: каждому интегративному структурному уровню материи соответствует свой уровень темпоральности.

По Фрезеру существует как минимум шесть стабильных структурных уровней материи с соответствующими им уровнями темпоральности: атемпоральный, «протемпоральный уровень» эотемпоральный, темпоральный (появляются животные), темпоральный (появляется психика), протемпоральный (появляется общество). Будучи ярким сторонником реляционного подхода, в понимании природы и сущности времени Дж. Т. Фрезер поставил все с ног на голову. Так, если с материалистических позиций время есть форма существования материи на всех

ее структурных уровнях, то, согласно подхода Фрезера, именно время должно определять ту или иную форму существования материи.

Исследование феномена времени в плоскости психологии оппозиционировало основным теориям, постулатам и законам времени в физике. Психологическое время неоднородно по своей сущности (т. е. неоднородно по наполненности), а в физике – время характеризуется «упорядоченностью» – т. е. точки мгновений, как и точки на прямой, расположены в линейном порядке – один момент времени идёт строго за другим моментом. Это свойство сочетается только с таким топологическим символом как «линия» (которая не пересекает саму себя). Здесь хотелось бы уточнить или как-то уяснить разницу между такими понятиями как «линия» и «прямая». Так, физики считают, что этот казался неопределимый запрет в топологии на нарушение упорядоченности, в теоретическом плане, можно нарушить, если следовать выработанной Эйнштейном теории относительности, т. е. «парадоксу близнецов». Но это будет уже отрыв в будущее.

Одним словом, в топологической схеме реализации времени по модели «линия» можно теоретически предположить, что линия не абсолютна, а относительно прямолинейна. И тогда, где-то, в определенной точке какого-то физического пространства, она может пересечь саму себя, т. е. время и последовательность событий, зафиксированных в этих временных точках, попадет вновь в какую-то исходную для них точку, где прошлое время уже будет выступать как будущее время. Своеобразный эффект «Дежавю», когда совершаемые в будущий момент события уже имели место быть в прошлом. Все дело в том градусе кривизны линии, которая чем-то или кем-то задается из вне. Здесь приходится констатировать тот факт, что исключительно психологическому феномену «Дежавю» дается объяснение в рамках топологической схемы в физике.

В отличие от физики в психологии феномен «время» в парадигме «упорядоченность – неупорядоченность» реализуется полюсом «неупорядоченность», создавая возможность возвращения в прошлое, когда ему понадобится, а значит, невольно приобретает замкнутую форму – круг или эллипс и т. п. В поэтической форме эту замкнутую структуру сформулировал А. Блок в крылатой фразе «Аптека – улица – фонарь». Как утверждает М. Д. Ахундов в такой замкнутой системе времени теряется отправная точка (изначальность), в результате чего каждая из точек отсчета получает возможность существования как в прошлом, настоящем так и в будущем. Они также могут меняться и становиться друг другом. [5, 46]

Приходится констатировать факт отсутствия единой универсальной теории времени не только в физике, но и в ряде других наук. Пытаясь разобраться в сущности и природе времени, в физике сформировались «субстанциональная» и «реляционная» концепции времени.

При исследовании качественного своеобразия времени были сформулированы «статичная» и «динамичная» теории времени. В рамках статической концепции времени подчёркивается некоторое парадоксальное утверждение: время, как такое, вообще отсутствует. Время здесь отождествляется с движением. Нет движения, нет времени. Данный подход впервые был сформулирован еще основателем элейской философской школы Парменидом, который утверждал, что безвременный мир – это неподвижный и неизменяемый мир. Правда некоторыми историками философии высказывалось по поводу этого мнение, что взгляды Парменида есть своеобразное продолжение подхода Гераклита о том, что «мир непрерывно из-

меняется и полон противоречий», а значит и полон (насыщен) временем. Однако, в рамках этого понимания времени был один нюанс, который впоследствии очень активно использовали в своих произведениях писатели-фантасты.

Представители этого статического подхода утверждали, что все моменты времени, т. е. и настоящее, и прошлое, и будущее время сосуществуют одновременно. Более того, они брали на себя смелость утверждать, что такое единомоментное сосуществование моментов времени будет существовать вечно. Исходя из этого, при желании можно будет путешествовать по этим застывшим временным глыбам пространства.

В XX веке немецкий математик Герман Вейль, на базе этих представлений о единомоментном сосуществовании временных отрезков предложил свою оригинальную модель времени. Вот что пишет по этому поводу сам Герман Вейль: «В объективном мире ничего не происходит, в нем все просто существует. Лишь по мере того, как взор моего сознания скользит по линии жизни (мировой линии – т. е. по тем линиям в четырёхмерном пространстве времени теории относительности, которыми изображают движение части и тел) моего тела для меня оживает часть этого мира подобно мгновенному изображению в пространстве, которое непрерывно меняется во времени».

Именно такую модель времени, названную тральфамадорской моделью времени, Курт Воннегут взял в основание своей фантастической повести «Бойня номер пять или Крестовый поход детей». Здесь каждый момент времени уже изначально заполнен определёнными событиями, сюжетами, трагедиями и т. п., в которых роль человека практически сведена к нулю. Одним словом есть фрагменты времени с заполненными в них событиями, и эти фрагменты имеют константную форму. Основываясь на этих основополагающих моментах, стали появляться всевозможные аналоги, разновидности этой модели времени.

Одна из подобных моделей утверждает, что время существует в застывшем состоянии и только человек пересекает его. Исходя из этого, и появляется своеобразная иллюзия протекания времени. Здесь человек путешествует по волнам застывшего времени, т. е. пронизывает время, в результате чего создается иллюзия протекающего мимо него времени, событий, пространства.

В рамках популярных в свое время динамических теориях времени, последнее, по утверждению ученых, живет, умирает и, одновременно, стремится в будущее. Это своеобразный аналог обыденного представления о времени, где прошлое время (и события) – уже исчезло, будущее – еще не наступило (но потенциально заложено в настоящем), а настоящее время – есть промежуток между прошлым и будущим. В этих динамических теориях находят свое объяснение и перспективу исследовательских векторов такие сугубо психологические процессы как «формирование», «развитие», «становление», «деградация» и т. п. личности.

Мысль Гегеля по поводу сущности этих процессов становления и развития сводилась к пониманию времени как своеобразного Демиурга (строителя, создателя), которое создает все сущее. Одним словом, «развитие», «становление», «формирование», «деградация» и т. п. – осуществляются неким Демиургом, цели, мотивы, потребности, способности и другие особенности которого остаются загадкой.

Огромную роль в объяснении причин того или иного поведения личности К. Левин отводил феномену «время» (т. е. прошлому, настоящему и будущему

времени) [9]. Положив в основание своей динамической теории мотивации своеобразную форму потребностей «квазипотребность», К. Левин объясняет последнюю как некую напряженную систему (некое намерение, напряжение), которая возникает в определенной ситуации незавершенности действий.

Формирование квазипотребностей, по глубокому убеждению К. Левина, происходит исключительно в настоящее время, т. е. здесь и теперь. Объяснение последующих действий и целостного поведения субъекта сводится к избавлению от этих состояний напряженности (к разрядке напряжения), к стремлению завершить прерванное действие, а значит, и реализовать квазипотребность.

Исходя из этого, в качестве возможных единиц анализа психологического времени в настоящем могут выступать замкнутые, завершенные единицы постановки жизненной цели с обязательным завершением этой деятельности по достижению цели. Незавершенные действия выполняют здесь функцию связывающего звена настоящего с будущим. Именно через этот мостик, через этот канал и происходит переход человека в будущее, которое уже есть в психологическом времени настоящего, и своим присутствием вносит существенные коррективы в формирование структуры психологического времени настоящего. Исходя из этого, вполне очевидным является факт взаимопроникновения, взаимосвязи психологических времен настоящего и будущего (они существуют, незримо присутствуют друг в друге).

Что касается психологического времени прошлого в теории К. Левина, то оно актуализируется при рассмотрении К. Левиным жизненного пространства личности (его психологического поля) и валентностей объектов, входящих в реальное психологическое поле личности; формируется в психологическом времени прошлого, где они, окрашиваясь определёнными эмоциональными переживаниями, приобретают (переходят в статус) личностный смысл. Но наиболее ярко взаимосвязь всех трёх психологических времён в теории К. Левина прослеживается в волевом поведении личности, когда вектор волевого поведения направлен против вектора валентности в полевом поведении. Здесь психологическому времени настоящего противостоит психологическое время будущего, стремящееся «уничтожить», вступает в конфликт с валентностями предметов, объектов, событий полевого поведения, которые несут в себе психологическое время прошлого.

Особый интерес представляют исследования К. Левиным феномена «временной перспективы», без которого целостное, системное объяснение причин того или иного поведения личности становится проблематичным. Суть данного феномена описана в приводимом К. Левиным примере – побе заключенных из тюрьмы. Сам по себе этот случай – побег из тюрьмы, – не вызывает особого внимания и анализа. Однако в конкретном случае особенность самого факта обращала на себя внимание тем, что этой группе заключенных, осужденных на продолжительные сроки отбывания наказания, удалось бежать из тюрьмы за две недели до освобождения.

Объяснение этому факту было дано в концепции динамической теории мотивации К. Левина. Так, К. Левин особо подчеркивал в докладе на VI Международном конгрессе психологов США (1941 г.) в Чикаго, что психологическое прошлое, настоящее и будущее являются частями психологического поля в психологическом времени настоящего, реального и идеального плана в жизни данного момента.

Исходя из этих теоретических положений детерминации мотивов поведения личности «здесь» и «теперь» (т. е. в психологическом времени настоящего),

К. Левин объясняет этот шаг заключенных маячившей свободой, до которой уже можно было дотронуться рукой. Им казалось, она так близка и реальна, что они, живя еще в условиях тюремного режима, чувствовали себя уже на свободе. Одним словом, психологическое время настоящего было не просто «разбавлено» психологическим временем будущего, а настоящее время просто поглотилось психологическим временем будущего. Результирующая этого процесса, как мы уже знаем, шокирующая.

Данный факт временной перспективы с бежавшими заключенными привел к необходимости посмотреть другими глазами на мотивационную сферу личности, переосмыслить многие необъяснимые процессы и события в жизни человека, объяснение которых не находило своего разрешения в рамках отечественной психологии. Так, в частности происходящий в армии беспредел со стороны старослужащих, которым осталось служить считанные недели, и которые практически уже живут своей (полугражданской или полувоенной) жизнью вне распорядка части и вне требований устава. И робкие или решительные попытки прямых командиров поломать эту традицию, как правило, приводят к негативным результатам. А причиной этому является тот факт, что они не делают главного, не уничтожают психологическое время будущего в сознании и повседневном несении службы военнослужащего. Борьба с мелкими нарушениями распорядка дня и требований устава не решает этой глобальной проблемы. Аналогичную картину можно наблюдать и в ситуации, предпенсионного возраста, когда человек в ожидании близкого срока выхода на пенсию, стремится уйти от неоправданной ответственности, лишается творческой инициативы, принципиальности и, более того, окружающих его подчиненных ограничивает в принятии смелых и решительных поступков.

В отечественной психологии проблема психологического времени отдельными учёными решалась через анализ внутреннего пространства личности, где время представлялось в виде своеобразных картин жизненного пути человека. Введенный ещё Ш. Бюллер термин «жизненный путь» понимался как психобиографическое движение человека, где особый акцент делался не столько на пройденных жизненных вехах, сколько на том своеобразии будущего, в котором должно было воплотиться сформированное у личности намерение. Жизненный путь здесь представлялся как последовательная череда возникновения и разрешения намерений личности, что, по сути, напоминало предложенные К. Левиным трактовки прошлого, настоящего и будущего времени.

Такой подход приобрел более чёткие очертания в работах К. А. Абульхановой-Славской. [1]. Суть её понимания психологического времени сводится к следующему: человек, отображает внешнее пространство в своём внутреннем психологическом пространстве в виде образов, представлений. Кроме этого, в его субъективном внутреннем психологическом пространстве находят своё отражение и картины прошлого в жизни человека или возможного будущего. По мнению К. А. Абульхановой-Славской эти картины представляют собой не что иное, как активность личности по организации времени своей жизни: прошлого, настоящего и будущего.

Сама К. А. Абульханова-Славская пишет об этом следующее: «Анализ развития личности, её способности к организации времени жизни обнаруживает, что управление временем со стороны личности носит или прямой или опосредованный характер. Развитие личности (её опыт, знания, способности и, наконец, зрелость)

есть потенциальное время (или потенцирование времени), которым личность не может управлять непосредственно. Но активность превращает это потенциальное время в реальное время (активное время), увеличивая временные возможности личности. [1, 136]».

По сути, проблема психологического времени здесь решается в контексте глобальной проблемы развития личности. Организация своей личной жизни в рамках личного времени выступает ведущим фактором в понимании процесса развития личности. А понятие «организация личного времени» подразумевает деятельностное начало, т. е. чем и какой деятельностью это личное время заполнить, к каким целям стремиться; какие задачи решать на этом промежутке личностного времени. Такой подход потребовал от К. А. Абульхановой-Славской введения ряда теоретических понятий: жизненная позиция (результат достижения личности за прошедшее время, где происходит аккумуляция её прошлого опыта, которая затем начинает выступать потенциалом будущего развития личности); жизненная линия (траектория жизненного движения личности в форме самовыражения, самореализации личности, которые могут и подниматься, и опускаться, и прерываться); жизненная перспектива (то, как видит себя в будущем личность). Здесь речь может идти о трех содержательных планах перспектив: – психологическом развитии;

- личностном развитии;
- собственно жизненном развитии.

В отличие от психологической составляющей жизненной перспективы личности, личностная составляющая предполагает реализацию эмоциональной и мотивационной компонент, которые без деятельности, без активности личности не могут быть реализованы. Жизненная компонента в структуре жизненной перспективы личности ставит точку над «i» по отношению к конкретным, дальнейшим жизненным перспективам личности, т. е. определяется смысл дальнейшего реального будущего.

В итоге у К. А. Абульхановой-Славской топология внутреннего пространства личности включает в себя не только образцы предметного мира, но так же и временные образы, т. е. те же самые предметы и объекты (события), но уже привязанные к психологическому времени личности. По сути само по себе психологическое время в исследованиях К. А. Абульхановой-Славской так и не нашло своего детального анализа как исходное, фундаментальное психологическое понятие. Оно выступило в качестве фона в процессе формирования и развития личности.

В исследования Т. Н. Березиной феномен времени был положен в основание причин психических расстройств личности. [7]. Специфические взаимоотношения во внутреннем психологическом пространстве личности между такими формами будущего времени как воображаемое будущее и достигаемое будущее (гармоничные или конфликтные формы взаимодействия), – по мнению Т. Н. Березиной, – могут создавать условия для образования психических расстройств.

Пытливые умы человечества ни на минуту не отступали от навязчивой идеи определения своеобразного атома времени (хронокванта). Но решение этой проблемы замыкалось на решении более фундаментальной проблемы – «прерывности – непрерывности» времени. Причем в той или иной форме эта проблема в истории науки возрождалась вновь и вновь, практически в каждом из подходов и теорий времени. Физики при изучении времени пытались ответить на вопрос:

«Можно ли время делить на бесконечно маленькие отрезки (и до какой степени эти отрезки могут делиться), или же время делимо, но только до определенного предела?».

Еще греческие философы Левкипп и Демокрит пытались ответить на подобные вопросы, высказывая мнение о том, что кроме обычных атомов материальных объектов, предметов, вещей – существует еще и атомы времени. Но на этом проблемы «прерывности – непрерывности» времени и выделения атомарной единицы времени не заканчивались, а явились исходной точкой для решения проблемы способа соединения этих атомарных величин времени (если, конечно, предположить, что их удалось определить). И еще: как из прерывных временных минимальных отрезков формируется максимальная (непрерывность) последовательность времени?

Современная физика в лице Макса Планка попыталась ответить на некоторые обозначенные вопросы. Так, М. Планк в 1900 году выдвинул идею минимального количества энергии (ее порции) назвав ее «квант энергия». По аналогии представители других научных направлений стали предпринимать попытки определения «кванта пространства», который в исчислении теории относительности составлял 10^{33} см. А уже отсюда стало рукой подать до «кванта времени», который оказался 10^{44} сек., т. е. столько времени потребуется свету, чтобы преодолеть квант пространства (или как его еще называют физики «квант фундаментальной длины»). Но как отмечают сами физики – это всего лишь теоретические выкладки, не всегда проверенные опытным путем. Остается только надеяться на то, что этот вопрос в будущем найдет свое разрешение.

Но живущий на Земле человек в своей повседневной деятельности, по большому счету, не только не сталкивается, но и не догадывается о подобных теоретических выкладках и математических абстракциях. Зато на философском уровне проблема «кванта времени» приобретает вполне земные контуры применимые для описания жизнедеятельности конкретного человека. Так, советский философ А. М. Жаров, решая эту проблему, категорически заявляет, что границы деятельности момента «теперь» для единичного человека являются принципиально неопределимыми, поскольку каждое из «теперь» оказываются одновременно и границей разделяющей прошлое и будущее, но оно же одновременно является и соединяющей эти прошлое и будущее границей, через которую они друг с другом взаимодействуют. Через «размытое» неопределенное настоящее его соседи, прошлое и будущее, как бы перекрывают друг друга, не оставляя разрыва между отдельными моментами «теперь».

Схожую позицию предлагает и болгарский философ Х. Смоленов в своей книге «О структуре мига и динамике вечности». Он отождествляет «миг» времени с вечностью, где «миг», «сейчас» – есть атомарная продолжительность времени, в которую входят (проникают, взаимопроникают) кусочки прошлого, и будущего, а значит и вечность – как целостное время – включает в себя прошлое и будущее вообще.

Очень вольно себя чувствуют писатели-фантасты, когда в своих произведениях оперируют проблемами единицы времени. Так, к примеру, Станислав Лем в своем рассказе «137 секунд», предлагает в качестве такого минимального промежутка времени, характеризующего «теперь», брать 137 секунд.

Кроме всего сказанного выше, возникает ещё один в череде главных вопросов: «Как формируются ценности психологического времени будущего в сознании ребёнка, конкретного человека, личности?». Если следовать логике вещей, то эти ценности должны были бы базироваться на том, что в принципе уже известно субъекту или с чем, по крайней мере, он уже в своей жизни сталкивался, а самое главное – то, что в его сознании получило эмоциональную окраску, став личностно значимым, превратившись тем самым в ценность.

Выходит, что психологическое время будущего уходит своими корнями в ценности психологического времени прошлого и настоящего. Поэтому прошлое и настоящее присутствует в психологическом времени будущего своими системами ценностей, а психологическое время будущего, в свою очередь, детерминирует своей системой ценностей активность личности в психологическом времени настоящего. Однако, наряду с этим, возможен и вариант, когда система ценностей психологического времени будущего не будет иметь корней в этническом, культурно-историческом пространствах субъекта, но своим присутствием, наличием может детерминировать жизнедеятельность личности в невыносимых условиях психологического времени настоящего. По сути дела, в реальной жизни мы либо сталкиваемся, либо догадываемся о подобного рода феноменах, но вот реконструировать эту систему ценностей психологического времени будущего было до недавнего времени весьма проблематично. Так, например, на какую систему ценностей опирается преступник, осужденный на пожизненное заключение? Почему наркоман так наплеватьски относится к своему физическому здоровью в психологическом времени настоящего, осознавая, что стоит у края пропасти?

Представленные выше теоретические рассуждения о способах существования и взаимопроникновения видов времени в жизнедеятельности человека имели один недостаток, они не имели экспериментальной проверки, а выдвигаемые гипотезы не имели доказательную базу. Трудности проведения такого рода экспериментальных исследований состояли в том, что реальная реконструкция психологических параметров личности (ценностей, жизненных сценариев, статусный положений, этических и эстетических установок и норм и др.) в значимом для нее будущем времени и пространстве само по себе абсурдно (есть нонсенс), т. е. нельзя перейти в будущее личности, измерить там те или иные психологические характеристики личности, а затем вернуться в настоящее время для сравнения их с настоящими «здесь и теперь» характеристиками личности. В связи с этим в исследовательской практике ученых нашел свое применение метод виртуального погружения, где личность, сама задавала в своем психологическом пространстве ту систему ценностей и установок, в том виртуальном временном пространстве, которое для нее было актуальным. В некоторых исследованиях пространство и временная перспектива для испытуемых задавались исследователями в более конкретной форме (хотя при этом имело место некоторая травматическая составляющая для испытуемого).

В некоторых наших исследованиях мы использовали этот метод виртуальной временной перспективы для диагностики тех трансформационных тенденций, которые происходят в системе значимых для личности ценностных ориентаций и ее мотивационной сферы. Ход эксперимента сводился к следующему. По специально разработанной нами методике диагностики ценностных ориентаций и значимых жизненных мотивов [10], испытуемых просили оценить себя в настоящем времени (т. е. «здесь и теперь»). Затем по истечению времени им предлагалось

более сложная ситуация, а именно: представить себе, что они как граф Монте – Кристо осуждены на пожизненное заключение, т. е. по сути, лишены свободы, лишены какой-либо временной перспективы, обречены весь свой остаток жизни провести в заточении.

Данную процедуру виртуального плана мы позаимствовали у американских психологов Д. Прайс и Дж. Баррел [17], которые в 1984 году попытались измерить в психофизиологическом эксперименте степень эмоционального переживания в ситуации удовлетворения высших специальных потребностей (куда можно отнести как сферу межличностных отношений, так и восприятие искусства, фазы творческого процесса, стремление к материальным благам, к достижению определенных духовных ценностей и т. п.). Суть их эксперимента сводилась к следующему: испытуемым предлагалось мысленно (в виртуальном плане) представить себе какой-либо эмоционально-окрашенный эпизод, имевший место в их жизни или созданный воображением, а затем отметить на специальных шкалах силу своего желания, предлагаемую вероятность достижения цели и степень эмоционального переживания.

После такого виртуального перемещения испытуемых в безвыходную (бесперспективную) ситуацию графа Монте – Кристо их вновь просили, по той же самой методике, оценить себя в том положении заключенного, которое было задано экспериментатором. Полученная общегрупповая матрица сходства подвергалась обработке факторным анализом. Затем результаты этих факторных анализов первого и второго эксперимента сравнивались и анализировались.

Проведение такого рода исследований должно было подтвердить или опровергнуть наши предположения о том, что нивелировка временной перспективы как внутренняя детерминанта трансформации психологического пространства личности должна существенно повлиять на трансформацию структуры системы ценностей и ценностных ориентаций личности. Исходя из того, что система ценностей и ценностных ориентаций в психологическом пространстве личности имеет сложную семантическую структуру с ее количественными (в виде когнитивной сложности системы ценностей), и качественными (семантическим наполнением оценочной парадигмы) параметрами, мы предположили, что перечисленные параметры будут подвержены существенным трансформациям после нивелировки временной перспективы во внутреннем психологическом пространстве личности.

Результаты проведенных нами экспериментальных исследований на различных выборках испытуемых [11–14] показали следующие общие закономерности: человек в определенное мгновение своей жизни пребывает сразу в трех психологических временах: психологическое время прошлого, психологическое время будущего и психологическое время настоящего; лишение человека временной перспективы (в виртуальном плане). Т. е. лишение ценностных образований в психологическом времени будущего на порядок усложняет когнитивную сложность сознания и разрушает сложившиеся в повседневной жизни человека ценностные парадигмы; у субъекта появляются новые оценочные парадигмы, которые отсутствовали в ситуации свободного оперирования временной перспективой; виртуальная нивелировка временной перспективы (лишения испытуемых психологического времени будущего) привело к существенным изменениям смысловой значимости (семантической наполненности) типичных жизненных поступков, т. е. привело к существенной трансформации содержательного плана семантических нагрузок в

пространстве нравственных, эстетических, политических оценочных парадигм; появившиеся в результате виртуальной нивелировки временной перспективы оценочные парадигмы, которые отсутствовали в ситуации свободного оперирования временной перспективой. Они были настолько неожиданными в содержательном плане восприятия и оценивания субъектом его бытийного пространства, что в отдельных случаях только некоторые жизненные поступки, мотивы и ценностные ориентации полностью вписывались в пространство сформированной в глубинных уровнях психики оценочных парадигм. Это свидетельствует о том, что нивелировка временной перспективы обуславливает формирование новых оценочных парадигм, нового видения бытийной реальности субъекта; увеличение количественного параметра выделенных оценочных парадигм осуществлялось не только путем появления новых парадигм, а за счет замены уже существующих оценочных парадигм новыми (к примеру в одном из исследований исчезли такие ценностные парадигмы как «достижение социального статуса», «значимость жизненных перспектив», «семья – как духовная ценность», «агрессивность – гуманность» и появились новые «справедливость – несправедливость», «демонстративность – истинность»; лишение временной перспективы существенно актуализировало такую оценочную парадигму, как «коммуникабельность», т. е. все ценности, жизненные установки, жизненные сценарии у лишенных временной перспективы субъектов стали приобретать коммуникативную направленность.

В завершении хотелось бы отметить актуальность такого подхода для исследования практических проблем в жизнедеятельности человека. Так, рассмотрение сферы семейно-брачных отношений через призму временной перспективы супругов может приоткрыть истинные (ранее скрытые) причины распада семьи, причины семейных конфликтов. Реконструкция психологического времени будущего (временной перспективы) у каждого из вступающих в брак (или уже живущих в браке супругов) предоставляет возможность прогнозирования устойчивости брака (или стадию его распада), что в свою очередь дает, предоставляет необходимую информацию для разработки профилактических психологических способов его укрепления (всевозможные виды тренингов). Исходя из этого, и процесс создания семьи, и процесс существования семьи, можно рассматривать как пересечение временных перспектив, имеющих схожие семантические характеристики. С этих же позиций можно рассматривать и развод (ссоры, семейные конфликты) как расхождение этих временных перспектив у каждого из супругов, их субъективных семантических структур.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абульханова-Славская К. А. Стратегия жизни. – М., 1991.– 304с.
2. Августин. Исповедь Блаженного Августина. – М., 1914.– 124с.
3. Анисимов А. М. Время и компьютер. Негеометрический образ времени.– М.: «Наука», 1991 –152с.
4. Аристотель. Физика.– М., 1937. – 96с.
5. Ахундов М. Д. Пространство и время в физическом познании.– М., 1987. –255с.
6. Бергсон А. Опыт о непосредственных данных сознания // Собрание сочинений в четырех томах. – Том 1, – М.: «Московский клуб». – 326с.

7. Березина Т. Н. Многомерная психика: внутренний мир личности. – М.: ПЕРСЭ, 2001.– 319 с.
8. Зейгарник Б. В. Теория личности К. Левина. – М.: МГУ, 1981.– 118 с.
9. Левин К. Динамическая психология: Избранные труды. – М.: «Смысл», 2001г. – 572с.
10. Тепляков Н. Н. Психологический подход к диагностике субъективной системы ценностей. // Наука и образование. – № 6, 2002. – С. 28-33
11. Тепляков Н. Н. Временная перспектива К. Левина и психологическое время будущего // Наука и образование № 8-9, – 2004 – С.141-143
12. Тепляков Н. Н. Проблема психологического времени в исследованиях отечественных психологов // Наука и образование № 1-2, – 2005, – С. 35-38,
13. Тепляков Н. Н. Психосемантический анализ временной перспективы // Наука и образование. – № 3-4, – 2005 – С. 51-54
14. Тепляков Н. Н., Левая К. С. Роль временной перспективы в структуре личностных и профессиональных качеств курсантов института МВС // Наука и освіта № 5-6, 2006. – С.102-105
15. Fraser I. T. The Genesis and the Evolution of the time. Bridgeton. 1982. X. 205p.
16. Mc. Taggart. E. I. The nature of Existence. V. II. Cambridge, 1927.
17. Price D., Barrel J. Some general laws of human emotion: Interrelations between intensities of desire expectation and emotional feeling //J. Personal.1984. vol 52 p.380-409.